

nomination is shown which is significant for Russian and world literature.

Key words: intertextuality; Slavnikova; fiction; mass literature; high literature.

УДК 821.161.1-1“19”

АХМАТОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОЭЗИИ М. ВИЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СТИХОТВОРЕНИЯ II»)¹

В.А. Филимонова

*Научный руководитель: А.А. Арустамова,
доктор филологических наук, профессор (ПГНИУ)*

В статье рассматривается раннее творчество М. Визи (сборник «Стихотворения II»). Утверждается, что поэзия Визи этого периода (1930-е гг.) испытывает на себе влияние ахматовских традиций. М. Визи в своей лирике вступает с творчеством А. Ахматовой в диалог. Делается вывод о существовании связи между ними на уровне тематики и проблематики (любовная тема), системы образов (образы лирического героя и лирической героини), мотивном уровне.

Ключевые слова: М. Визи; акмеизм; А. Ахматова; литературные традиции; поэзия первой волны эмиграции; русская поэзия; поэзия русского Китая.

Исследователи отмечают, что дальневосточная литература первой волны эмиграции испытала на себе влияние Серебряного века (в частности, символизма и акмеизма). Среди поэтов, на которых оказали влияние эти традиции, была М. Визи. В настоящее время существует ряд научных работ, посвященных исследованию символизма в творчестве М. Визи (О.М. Бакич, Б.В. Кондаков, А.А. Арустамова). При этом влияние акмеистской эстетики на поэтику М. Визи изучено недостаточно: к этому вопросу обращалась в работах только О.М. Бакич. Поэтому ахматовские традиции в лирике М. Визи требуют более тщательного исследования.

В.П. Крейд, говоря о литературных тенденциях русской диаспоры в Китае, замечает: «Акмеистическое направление оставалось в дальневосточной поэзии преобладающим» [Крейд 2001: 12]. Это было связано с тем, что, как и остальные «харбинские» поэты, М. Визи воспринимала себя в некоторой степени как хранительницу и продолжательницу традиций русской культуры вдали от Родины. Она принимала участие в деятельности харбинского литературного объединения «Чураевка» и в своем творчестве опиралась на некоторые традиции поэзии А. Ахматовой.

Имя Анны Андреевны Ахматовой как представительницы акмеистского направления оказывается важным для поэтов первой волны эмиграции, в том числе и для Марии Визи. Наиболее ярко влияние

¹ Исследование выполнено при поддержке Благотворительного Фонда В. Потанина (Грант № ГСНК-95/18).

творчества А. Ахматовой прослеживается в любовной лирике М. Визи.

Ахматовские традиции характерны для раннего творчества М. Визи, которое началось в китайском городе Харбине. Именно в Китае выходят и два из трех ее поэтических сборников: «Стихотворения» (Харбин, 1929) и «Стихотворения II» (Шанхай, 1936).

Выбор нами для анализа сборника «Стихотворения II» (1936) объясняется тем, что с любовной тематикой связаны почти все произведения этого сборника. Прежде всего, во всех выбранных нами для анализа стихотворениях прослеживается сходство с поэзией А. Ахматовой на разных художественных уровнях: системно-образном, тематике, проблематике, а также на уровне мотивов. Все эти стихотворения сборника посвящены любви: безответной, взаимной, потерянной, прошедшей. В 1930-е гг. М. Визи обращается к творчеству А. Ахматовой 1910-х гг. (сборники «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917)), отчасти – 1920-х гг. («Anno Domini» (1922)). В целом сборник «Стихотворения II» представляет собой ряд стихотворений, объединенных между собой тематически, мотивно и отчасти сюжетно.

Обратимся к рассмотрению особенностей образов лирической героини и лирического героя у М. Визи. О. Бакич в работе «Мария Визи. Творческий путь поэта России, Китая и США» отмечает, что «герой не понимает героини» [Бакич 2002: 224], что ахматовские стихотворения Визи носят драматический характер, а лирическая героиня Визи автобиографична [Бакич 2002: 223–224].

Сходство любовной лирики М. Визи с лирикой А. Ахматовой прослеживается на уровне психологических характеристик и моделей поведения лирической героини и лирического героя. М. Визи подчеркивает жертвенность, восторженность героини по отношению к возлюбленному, который выступает в роли спасителя, обладающего властью над героиней.

Лирическая героиня М. Визи, подобно героине А. Ахматовой, с восторгом относится к своему возлюбленному, воспринимает его как имеющего над ней власть человека. В стихотворении «Когда потухнут на пути огни...» у любимого лирической героини есть абсолютная власть над ее душой, над настроением и внутренним состоянием (ср. у А. Ахматовой: «Было душно от жгучего света, // А взгляды его как лучи... // Я только вздрогнула. Этот // Может меня приручить. // Наклонился. Он что-то скажет. // От лица отхлынула кровь...») [Ахматова 2000: 41]:

Когда потухнут на пути огни,
я верю: наклонись ко мне, взгляни,
и будут дни мои озарены
лучами удивительной весны... [Vezev 2005: 96].

Жертвенность, характерная для ахматовской лирической героини,

ярко выражена в стихотворении «Да, я зову тебя в бреду...». Лирическая героиня М. Визи готова пожертвовать собой ради любви, поскольку полностью доверяет любимому человеку (ср. у А. Ахматовой: «Все тебе: и молитва дневная, // И бессонницы млеющий жар...» [Ахматова 2000: 124]; «Чтоб в томительной веренице // Не чужим показался ты, // Я готова платить сторицей // За улыбки и за мечты» [Ахматова 2000: 63]):

...я все отдам, что мне велят,
не дрогну перед высшей платой, –
за тень, за звук шагов, за взгляд –
и буду все-таки богата [Vezey 2005: 90].

При этом героиня М. Визи в стремлении добиться любви лирического героя противопоставляет себя не только миру людей (т.е. всему земному), но и Богу:

Да, я зову тебя в бреду:
мне сон приснившийся отраден –
хоть Бог берет большую мзду
с того, кто так упрям и жаден [Vezey 2005: 90].

В роли помощника, спасителя лирический герой воспринимается героиней М. Визи в стихотворениях «Самарянин, ты меня поднял в поле...», «Пролетали пули мимо, мимо...», «Унес меня – в ночи туманной...»:

Самарянин, меня ты поднял в поле,
остановившись на пути своем,
елей целебный мне на раны пролил
и внес меня в благословенный дом [Vezey 2005: 87].

В поэтической системе А. Ахматовой образ любимого в сознании лирической героини также выполняет функцию спасителя (сборник «Anno Domini»). Однако лирический герой не совершает какие-либо действия для спасения – акцент в стихотворениях делается на ожидании этого спасения, прихода спасителя, на просьбе о спасении: «Мечта о спасении скором // Меня, как проклятие, жжет. // Упрямая, жду, что случится, // Как в песне случится со мной, // Уверенно в дверь постучится // И, прежний, веселый, дневной...» [Ахматова 2000: 200].

Важными и характерными для ахматовского творчества элементами поэтики, встречающимися в творчестве М. Визи, являются психологические детали (черты внешности лирического героя) и элементы внешнего мира. Как правило, первый «тип» деталей представляет собой такие элементы внешнего облика лирического героя, как глаза или руки. Через эти детали и одновременно через отклик на них лирической героини показано внутреннее состояние лирического героя (ср. у А. Ахматовой: «Ах! не трудно угадать мне вора, // я его узнала по глазам» [Ахматова

2000: 45]):

...твои глаза пустынной прерий,
росы вечерней холодней! [Vezev 2005: 84].

В твоих глазах – высокие хоромы,
несчитанных сокровищ подземелья,
цветущие сады, моря и реки... [Vezev 2005: 91].

Через сравнения с природными элементами в стихотворениях показаны равнодушие, отстраненность, холодность или составляющие внутреннего мира лирического героя. Эти детали его внешности помогают создать психологический портрет.

Посредством введения в художественный мир стихотворений деталей – элементов внешнего мира М. Визи описывает внутреннее состояние своей лирической героини. В этом проявляется влияние на ее творчество специфики поэтического мира А. Ахматовой. В. Жирмунский, говоря об этой особенности поэтики Ахматовой, отмечает, что в ее творчестве наблюдается отказ «от погружения в единую, целостную и хаотическую глубину души» [Жирмунский 1977: 132], а также стремление «к переживаниям ясным, отдельным и, по необходимости, периферическим...» [Жирмунский 1977: 132]. Эмоциональная отстраненность героини стихотворений соотносится с внутренними переживаниями, выраженными в пространственных внешних деталях:

Уехал. Я одна стою.
Мне этот мир и чужд и тесен [Vezev 2005: 97].

Случайный взгляд куда-то вбок,
минута – встреча – в сердце пенье... [Vezev 2005: 92]

На мотивном уровне диалог поэзии М. Визи с А. Ахматовой происходит непосредственно: через использование мотивов тоски, прощания, расставания, воспоминания, памяти, а также потерянности, одиночества, прощения. Например, часть из них нередко встречается как в стихотворениях безымянного цикла, так и в некоторых других стихотворениях второго сборника М. Визи. В стихотворении «Любить тебя? Я вовсе не люблю...» лирическая героиня пытается отгородиться от воспоминаний, погрузившись в тихое течение жизни, в быт (ср. у А. Ахматовой: «На кустах зацветает крыжовник, // И везут кирпичи за оградой. // Кто ты: Брат мой или любовник, // Я не помню, и помнить не надо» [Ахматова 2000: 14]; «Лишь изредка прорезывает тишь // Крик аиста, слетевшего на крышу, – // И если в дверь мою ты постучишь, // Мне кажется, я даже не услышу» [Ахматова 2000: 56]):

Еще пройдет неделя или две,
и на сердце моем и в голове,
конечно, не оставит и следа

ушедший темным морем навсегда [Vezey 2005: 98].

Такой же мотив утраты воспоминаний встречается в еще одном стихотворении сборника, которое не включено в цикл («Не уложишь в ларец драгоценный...»). В нем лирическая героиня старается психологически отгородиться от внутренних переживаний при помощи обращения к природе:

Ну, а я тебя забуду скоро:
станет зренье радовать мое
солнечная в поле сикамора,
месяца на небе острие,

и тебя, измученного раной,
нанесенной сердцу моему,
я в своей весне благоуханной
никогда уж больше не пойму [Vezey 2005: 105].

Таким образом, структурно эти стихотворения строятся на антитезе. Недолгие человеческие чувства и воспоминания противопоставляются вечным, бесконечным явлениям природы. В художественном мире стихотворений сборника «Ты от меня уехал снова...» (ср. у А. Ахматовой: «Сегодня мне письма не принесли: // Забыл он написать или уехал...» [Ахматова 2000: 31]) мотив утраты воспоминаний соединяется с мотивами ухода, разлуки, а вечные, недостижимые звезды противопоставляются недолговечным человеческим чувствам: «...я знаю – ты в воспоминанье // недолго сохранишь меня» – «Как наглядеться на такую // бездонную ночную высь!» [Vezey 2005: 88].

Мотив прощения связан с характерными особенностями образа лирической героини. В стихотворениях «Унес меня – в ночи туманной...» и «Блестят коричневые лики...» реализуется сюжет просьбы о прощении (ср. у А. Ахматовой: «Прости, что я жила скорбь // И солнцу радовалась мало. // Прости, прости, что за тебя // Я слишком многих принимала» [Ахматова 2000: 123]):

За то, что я жила без веры,
что встанешь ты, светлее дня –
ты, чьи глаза ясны и серы, –
прости незнавшую меня [Vezey 2005: 96].

Прости неласковое слово, глаза недобрые прости [Vezey 2005: 101].

Мотивы беспомощности, потерянности тоже являются ахматовскими и фигурируют, например, в стихотворении «Не смотри на меня, не смотри!...»:

Не смотри на меня, не смотри!
Я идти по земле не умею –
далеко позади фонари

городской и знакомой аллеи [Vezey 2005: 84].

Важнейшее средство выразительности, встречающееся в данной строфе, – оксюморон. Физическое неумение идти у лирической героини соединяется с деталями внешнего мира – фонарями, аллеей. В следующей строфе мотив потерянности усиливается при помощи градации. Героиня не просто теряет любимого – она теряет ориентир во вьюге и в жизненных событиях, причем навсегда:

...злая, темная выдалась вьюга –
мне теперь никогда не найти
ни дороги, ни дома, ни друга! [Vezey 2005: 84]

В поэзию М. Визи включен ряд сюжетов, которые повторяют ахматовские. Например, характерны для любовной лирики М. Визи ранние ахматовские сюжеты стихотворений, которые, по Д. Максимову, представляют собой «предельно сжатые психологические сюжеты, новеллы о любви и о жизни» [Максимов 1986: 391]. Примером такой любовной новеллы может послужить безымянный цикл стихотворений, включенный во второй сборник М. Визи. В целом этот цикл представляет собой объединенные общей тематикой и проблематикой стихотворения, проникнутые элегической интонацией. Лирическая героиня в каждом стихотворении в разных сюжетных ситуациях переживает расставание, боль утраты или же стремится отпустить, забыть лирического героя. Творчество для М. Визи в этом цикле выступает в качестве элемента, который помогает долго хранить память о прошедшей любви. Это подтверждает эпиграф:

Мимоходом встретить
и на век уйти,
лишь стихом отметить
на своем пути [Vezey 2005: 97].

Ср. у Ахматовой: «Твой белый дом и тихий сад оставлю. // Да будет жизнь пустынна и светла. // Тебя, тебя в моих стихах прославлю, // Как женщина прославить не могла» [Ахматова 2000: 79].

Таким образом, следование ахматовским традициям в любовной лирике второго сборника М. Визи осуществляется на разных художественных уровнях: тематическом, на уровне проблематики, сюжетном, системно-образном, мотивном. В то же время М. Визи вступает в диалог с творчеством А. Ахматовой, вводя новые сюжетные и психологические детали.

Список литературы

- Ахматова А.А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. – М. : Эллис Лак, 2000. – 704 с.
Бакич О.М. Мария Визи. Творческий путь поэта России, Китая и США // Новый журнал. – 2002. – № 227. – С. 219–243.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – М. : Наука. Ленинградское отделение, 1977. – 407 с.

Крейд В.П. Все звезды повидав чужие... // Русская поэзия Китая : антология / сост. О.М. Бакич, В.П. Крейд. – М., 2001. – С. 5–40.

Максимов Д.Е. Русские поэты начала века : очерки. – Л. : Сов. писатель, 1986. – 408 с.

Vezey M. A moongate in my wail: collected poetry of Mary Custis Vezey. – New York : Peter Lang Publishing, 2005. – 355 p.

A. AKHMATOVA'S TRADITIONS IN M. VEZEY'S POETRY (AS EXEMPLIFIED IN "POEMS II")

The paper considers M. Vezey's early works (the book "Poems II"). We prove M. Vezey's poetry of that time (1930s) to be influenced by A. Akhmatova's traditions. M. Vezey enters a dialogue with Akhmatova's work. This dialogue occurs at the levels of themes and problematique (love theme), image system (male character's and lyrical female speaker's images), motives.

Key words: Vezey; Acmeism; Akhmatova; literary traditions; poetry of the first Russian emigration; Russian poetry; poetry of Russian China.

УДК 882-32

ПРИРОДА КАК ЦЕННОСТЬ В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.В. Макушева

*Научный руководитель: И.В. Поздина,
кандидат филологических наук, доцент (ЮУрГГПУ)*

В данной статье предпринята попытка аксиологического подхода к анализу произведения, целью которого является внимание к ценностям автора и героя. Имеется в виду способ отношения к миру, совокупность идеалов, нравственных критериев и ориентиров. Природа – полифункциональный образ в художественном произведении, сознательно введенный автором, часть целого, непосредственный участник событий. Рассматривается, как в повести Лескова «Очарованный странник» связаны повороты судьбы, становление души и развитие характера героя в его взаимодействии с природой. Сквозь призму отношения к природе Флягин проходит нравственную проверку, природа выступает в качестве предметной ценности, можно говорить о его нравственных национальных ориентирах.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; «Очарованный странник»; аксиологический аспект; функция природы; предметная ценность; национальные ценности.

Художественная функция природы в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник», функции животного мира, дьявольского природного начала получили осмысление в современном лескововедении с позиций фольклористики и мифопоэтики. В настоящей статье мы предприняли попытку аксиологического подхода, целью которого является внимание к ценностям автора и героя. Имеется в виду способ